

ИСТОРИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ (К 155-ЛЕТИЮ ШКОЛЫ П.П. МАКСИМОВИЧА)

УДК 94(47)17/18+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2025.2.005–019

Требования к матрикуляции в женские институты в конце XVIII – середине XIX в. (На примере зачисления дворянок в столичные образовательные учреждения)¹

А.В. Белова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

Статья посвящена требованиям к матрикуляции в женские институты в России в конце XVIII – середине XIX в. На основе исследования нормативных предписаний и реальных историй зачисления дворянок из Тверской губернии в столичные образовательные учреждения анализируются качественные аспекты государственной стратегии в отношении образовательного профиля представительниц привилегированного сословия, выявляется специфика целевой аудитории обучающихся, немалую долю которых составляли девочки из провинции. В заключение делается вывод о том, что требования к матрикуляции характеризовали женское институтское образование в России как своего рода вид социального призрения для малоимущих дворянок, вклад в сохранение общности родовитого дворянства как особой категории и воспроизводство его культурного этоса.

Ключевые слова: женское образование, женские институты, женская повседневность, женская семейная память, женская история, дворянки.

Анализ требований к матрикуляции в женские институты в конце XVIII – середине XIX в. позволяет понять установки государственной стратегии в отношении образовательного профиля представительниц привилегированного сословия. При этом немалую часть воспитанниц ведущих столичных институтов составляли юные дворянки из провинции. Цель статьи – выявить специфику целевой аудитории обучающихся на примере зачисления дворянок из Тверской губернии в столичные образовательные учреждения.

Согласно составленному И.И. Бецким и утверждённому Екатериной II 12 марта 1764 г. «Генеральному учреждению о воспитании обоего пола юношества» женское институтское образование было рассчитано в среднем

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РНФ «Женская семейная память в России XVIII–XXI вв.: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия» (№ 24-18-00212).

на возрастную когорту от шести до восемнадцати лет². Эти нормы действовали в Санкт-Петербургском «Воспитательном Обществе благородных девиц»³, в обиходе именовавшемся Смольным институтом, с момента его основания 5 мая 1764 г. и вплоть до конца XVIII в., когда женские образовательные учреждения перешли после смерти Екатерины II в ведение императрицы Марии Фёдоровны и срок обучения в них был сокращён с двенадцати до девяти лет⁴. Так, девица Аграфена Васильевна, урождённая Мацкевичева (1796–1892), вышедшая впоследствии замуж за тверского дворянина Дмитрия Александровича Кафтырева⁵, по окончании своего образования в 1812 г. получила свидетельство, в котором говорилось о ней как о «пребывшей в сем Обществе на девятилетнем воспитании»⁶. Начав обучение в 1803 г. в семилетнем возрасте, она завершила его в шестнадцать лет. Реальное изменение возрастных рамок получения образования не было отражено, однако, в официальном «Уставе воспитания благородных девиц»⁷, по-прежнему предусматривавшем двенадцатилетний срок обучения.

В основанном 25 мая 1798 г.⁸ также в Санкт-Петербурге «Училище Ордена Святыя Екатерины», или Екатерининском институте, как его иначе называли, существовал другой возрастной ценз. Согласно «Высочайше утверждённым правилам относительно приёма благородных девиц в «Училище Ордена Св. Екатерины» к участию в конкурсном отборе допускались дворянские девушки, достигшие десятилетнего возраста и при этом бывшие на момент поступления не старше двенадцати лет⁹. Дворянка Кашинского уезда Тверской губернии, девица Любовь Ивановна Суворова, родившаяся в 1824 г.¹⁰, окончила «Училище Ордена Святыя Екатерины» в 1841 г.¹¹ в возрасте семнадцати лет. Точное время определения её в

² Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ), собрание первое (далее – 1). СПб., 1830. Т. XVI. № 12103. С. 670.

³ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 742–743.

⁴ См., напр.: *Демков М.И.* Очерки по истории русской педагогики. М., 1909. С. 60–61; *Белоусов А.Ф.* Институтка // Школьный быт и фольклор: учеб. материал по русскому фольклору: в 2 ч. / сост. А.Ф. Белоусов; отв. ред. С.Н. Митурев. Таллинн, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 120; *Озерская Ф.С.* Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М., 1973. Разд. 3. Гл. XIV. С. 258.

⁵ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

⁶ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁷ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 742–755.

⁸ *Лихачева Е.О.* Материалы для истории женского образования в России (1086–1856). СПб., 1899. Ч. 2. С. 29. Также см.: *Стерлигова А.В.* Воспоминания // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова. М., 2001. С. 69. По версии Стерлиговой, дата основания – 25 июня.

⁹ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

¹⁰ Там же. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 56. Л. 16–16 об.

¹¹ Там же. Д. 1. Л. 1.

Училище не известно. Однако с учётом дальнейшего сокращения срока обучения в женских институтах, за исключением Смольного, до шести лет¹² можно предположить, что она поступила на воспитание в 1835 г. в возрасте одиннадцати лет. В мемуарах П.П. Семенова-Тян-Шанского (1827–1914) описана история определения в Екатерининский институт его сестры Натальи Петровны, урождённой Семеновой, провинциальной дворянки, детство которой прошло в родовом имении отца в Рязанской губернии: «Замечательно талантливая двенадцатилетняя девочка без всякой специальной подготовки выдержала свой вступительный экзамен и была принята во второй половине зимы 1836–1837 годов своекоштной пансионеркою в институт...»¹³. Она вышла из института «через 6 лет»¹⁴, будучи в восемнадцатилетнем возрасте.

При соблюдении прочих требований к зачисляемым девочкам возрастных ограничений не всегда придерживались строго, особенно если речь шла о так называемых «своекоштных пансионерках», т. е. находящихся «на своем, или не на казенном содержании»¹⁵. Это сохранялось и позднее, во второй половине XIX в. Отставному ротмистру Дмитрию Осиповичу Кожину, дворянину Кашинского уезда Тверской губернии, 4 декабря 1873 г. было направлено сообщение из IV отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в ведении которого с 1828 г.¹⁶ находились женские образовательные учреждения. В сообщении говорилось, что императрица Мария Александровна в ответ на его просьбу разрешила принять его четырнадцатилетнюю дочь Екатерину в «Московское Александровское училище», основанное в 1804 г.¹⁷, без назначения ей казённого содержания и зачислить её в класс, где обучались девушки того же возраста¹⁸. Возможность некоторого несоответствия абитуриенток установленному возрастному цензу свидетельствует о том, что это требование в ряду других представлялось наиболее формальным.

Важнейшим же условием получения юной дворянкой институтского образования было её социальное происхождение. Согласно «Уставу воспитания благородных девиц» сопровождавшие девочку при поступлении взрослые – «отцы и матери, а в случае сиротства, сродники или свойственники» – должны были представить на рассмотрение Совета

¹² Белоусов А.Ф. Указ. соч. С. 120.

¹³ Семенов-Тян-Шанский П.П. Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856) / сост., вступ. ст., биогр. очерки и примеч. И.И. Подольской. М., 1990. С. 442.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980. Т. 4. С. 154.

¹⁶ См., напр.: Дружинин Н.М. Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826–1852 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.В. Фадеев. М., 1967. Серия первая. Т. IV. Гл. 7. С. 292; Белоусов А.Ф. Указ. соч. С. 120.

¹⁷ См., напр.: Лихачева Е.О. Указ. соч. Ч. 2. С. 64; Озерская Ф.С. Указ. соч. С. 258.

¹⁸ ГАТО. Ф. 1222. Оп. 1. Д. 64. Л. 1.

Общества «достоверные доказательства» её дворянского достоинства¹⁹. В перечне требований, предъявлявшихся Советом «Училища Ордена Св. Екатерины» к абитуриенткам, на первом месте стояли родовая принадлежность и служебное положение их отцов. При этом рассчитывать на поступление в Училище могли лишь дочери тех дворян, чьи роды были внесены в III, V и VI части дворянских родословных книг, или тех, которые имели чины как минимум 9-го класса (капитан) на военной службе или 8-го класса (коллежский асессор) на гражданской²⁰. Следует уточнить, что не меньшее значение социальное происхождение имело и при приёме в мужские учебные заведения. Правом обучения в Пажеском корпусе, Александровском лицее, Училище правоведения, школе гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров пользовались только потомки титулованных и древних дворянских родов²¹.

Социальное происхождение как составляющая предписанного статуса было своеобразной отправной точкой жизненного «сценария» дворянок в конце XVIII – середине XIX в. Открывавшиеся перед ними от рождения перспективы, связанные с возможностью получения институтского образования и последующего выхода замуж с соблюдением межродовых соответствий и недопущением мезальянсов, выступали прямым следствием родовитости их предков. Особое значение социального происхождения абитуриенток определялось замкнутым сословным характером институтского образования и тенденцией к культурному обособлению дворянства от других слоев российского общества.

Среди представительниц родовитого дворянства предпочтение отдавалось девушкам из малообеспеченных семей²². В качестве подтверждения финансовой несостоятельности родителей рассматривались, по уставу Смольного, сведения о службе отца, о ранении или гибели его во время войны, об имении родителей²³, а согласно правилам приёма в Екатерининский институт – свидетельства начальников тех из отцов, которые состояли на службе, или губернских предводителей дворянства в отношении тех из них, которые не служили²⁴.

24 января 1811 г. предводителем дворянства Новоторжского уезда Тверской губернии полковником Извековым было выдано свидетельство Елизавете Аболешевой, дочери помещика поручика Нила Васильевича Аболешева. Этот документ, имевший непосредственное отношение к определению девочки в одно из женских учебных заведений, подтверждал, что ей было десять лет, «что она подлинно из дворян, родителя ея фамилия

¹⁹ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²⁰ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

²¹ См., напр.: Дворянские роды Российской империи / П.Х. Гребельский и др.; под ред. С.В. Думина. СПб., 1993. Т. 1. С. 21; Семенов-Тянь-Шанский П.П. Указ. соч. С. 463.

²² ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²³ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

²⁴ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

в дворянских списках состоит, имения за ним обще с братом его родным в Новоторской округе 79 душ»²⁵. Открытие Екатерининского института мотивировалось именно «распространением способов к хорошему воспитанию между недостаточным Дворянством Российским...»²⁶. В этом смысле институтское образование не представляло собой альтернативу домашнему и, более того, должно было компенсировать некоторым юным дворянкам отсутствие возможности его получения.

Тем не менее мемуаристики свидетельствовали, что не только возраст поступавших часто превышал установленные нормы, почему среди них и встречались «уже порядочно-взрослые девочки» – «с разрешения Императрицы, 14 и 15 лет»²⁷, но и материальное положение родителей многих из них далеко не всегда было бедственным, позволявшим отнести их к разряду малообеспеченных семей, представительницам которых должно было отдаваться предпочтение²⁸. А.В. Стерлигова, урождённая Дубровина (1839 – не ранее 1878), считавшая, что «родилась в богатой семье» (её отец «имел полторы тысячи душ крестьян... и более десяти тысяч десятин земли») ²⁹, вспоминала слова, адресованные «гофмаршалом двора Его Императорского Высочества» В.Д. Олсуфьевым её матери: «Эх, матушка, отбросьте гордость и взгляните хорошенько: все богатые, имеющие связи, помещают своих детей на казённый счет; мой вам совет, пользуйтесь случаем поместить детей»³⁰. На памяти мемуаристок среди институток были девочки «из богатых и знатных семей»³¹.

При этом особой заботы со стороны государства удостаивались девушки-сироты, «отца или матери лишенные»³². Судя по женским и мужским мемуарам, именно их, утрачивавших родительское попечение, главным образом и отправляли на воспитание в институты³³: «Рано потерявши родителей, оставшись без всякого состояния, она («княжна Гагарина». – А.Б.) воспитывалась сначала у дяди, князя Меншикова, потом в институте»³⁴. Тот факт, что некоторые провинциальные дворянки, осиротевшие в раннем возрасте, попадали впоследствии на воспитание в

²⁵ ГАТО. Ф. 1022. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

²⁶ Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

²⁷ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 93.

²⁸ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743; ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

²⁹ Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 69.

³⁰ Там же. С. 79.

³¹ Там же. С. 93.

³² ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

³³ Ржевская Г.И. Памятные записки // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 35–36, 37; Стерлигова А.В. Указ. соч. С. 69, 79, 88; Энгельгардт А.Н. Очерки институтской жизни былого времени // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 131; Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц... С. 218, 233.

³⁴ Чичерин Б.Н. Воспоминания // Русские мемуары. Избранные страницы. (1826–1856)... С. 249.

столичные институты, находил подтверждение и в литературных источниках, отражавших исторические реалии первой половины XIX в.: «Марья Дмитриевна (в девицах Пестова) еще в детстве лишилась родителей, провела несколько лет в Москве, в институте, и, вернувшись оттуда, жила в пятидесяти верстах от О..., в родовом своем селе Покровском, с теткой да с старшим братом»³⁵. В данном случае описан типичный сценарий жизни дворянок-сирот, которые могли вернуться в имение и не должны были зарабатывать преподаванием. Определение в закрытое учебное заведение считалось лучшим способом обеспечить должный уход таким девочкам и получение ими образования, поэтому, согласно нормативным предписаниям, при отборе кандидаток им должны были отдавать безусловное предпочтение.

С точки зрения социального происхождения и имущественного положения родителей провинциальные дворянки составляли непосредственную целевую аудиторию абитуриенток благодаря особой социокультурной ситуации в российской провинции в конце XVIII – середине XIX в. Провинциальное дворянство в известной мере было представлено людьми родовитыми, но мелкопоместными. Причина этого заключалась в том, что знатное и богатое дворянство, которое могло позволить себе более затратную, чем в провинции, жизнь, тяготело к столицам. Туда же (в первую очередь в Петербург) устремлялись дворяне, имевшие скромное происхождение, поскольку связывали свое жизненное благополучие главным образом со службой и часто не являлись владельцами недвижимых имений. Что же касается многих обладателей провинциальных поместий, то они в основном были потомками родовитых российских дворян (например, Абоleshевы, известные с середины XVI в., были внесены в VI часть родословной книги Тверской губернии³⁶), пожалованных некогда за служебные заслуги земельной собственностью и стремившихся впоследствии равномерно разделить ее между всеми детьми. Многочисленность наследников в каждом новом поколении дворянского рода приводила к тому, что в определённый момент их потомки становились средне- или мелкопоместными дворянами. Именно таким провинциальным дворянам официально предлагалось отправлять дочерей для получения образования в столичные институты.

Преимуществом, связанным с оплатой обучения, пользовались дворянки, отцы которых являлись кавалерами ряда орденов Российской империи. Именным указом Александра I от 25 августа 1803 г. устанавливалось ежегодное перечисление из Капитула российских императорских и царских орденов (специального учреждения, в ведении которого находилась их выдача³⁷. – А.Б.) полученной в виде процентов с

³⁵ Тургенев И.С. Дворянское гнездо // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. / ред. кол.: М.П. Алексеев и Г.А. Бялый. М., 1976. Т. 2. С. 131.

³⁶ Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон: биографии: в 12 т. Репринт. изд. / отв. ред. В.М. Карев, М.Н. Хитров. М., 1991. Т. 1. С. 27.

³⁷ См., напр.: Дворянские роды Российской империи. СПб., 1993. Т. 1. С. 77–78.

капитала денежной суммы в размере ста тысяч рублей в женские образовательные учреждения на содержание и воспитание дочерей малообеспеченных дворян, награжденных орденами св. Анны 2-й и 3-й степени, св. Георгия 3-й и 4-й степени, св. Владимира 3-й и 4-й степени и владевших не более чем ста душами крепостных³⁸. Из этих девушек государственным попечением пользовались в первую очередь сироты. Такая мера была своего рода знаком царского уважения к отмеченным орденами служебным заслугам отдельных представителей русского дворянства, в том числе и провинциального.

Согласно этому же указу, Капитулу вменялось в обязанность рассматривать поступавшие от отцов – кавалеров орденов или, в случае их смерти, от родственников дворянских девушек прошения о принятии их в то или иное учебное заведение, прежде всего в «Училище Ордена Святых Екатерины», и подтверждавшие достоверность содержащихся в этих прошениях сведений документы от соответствующего военного или гражданского начальства. Если в ходе производившейся Капитулом проверки устанавливалась подлинность информации о самом кавалере ордена, его имущественном положении и наличии у него дочери, то материалы направляли на утверждение императрице Марии Фёдоровне, выносившей окончательное решение относительно приема в образовательные учреждения тех девушек, которые удовлетворяли общим требованиям, предъявлявшимся к претенденткам. Невостребованная в силу тех или иных причин часть выделявшейся Капитулом денежной суммы подлежала обращению в проценты, в результате накопления которых должен был образовываться специальный фонд для награждения впоследствии по усмотрению императрицы выпускниц институтов. Перечисление денег из Капитула российских императорских и царских орденов на оплату институтского образования дочерей малообеспеченных кавалеров осуществлялось, согласно указу императора, с 1 января 1804 г.³⁹

Материалы частных архивов тверского дворянства позволяют проиллюстрировать содержание нормативных актов примерами из жизненной практики конца XVIII – первой половины XIX в. Мария Логгиновна Манзей (1787–1875), дочь Логгина Михайловича Манзея (1741–1803), род которого был внесён во II часть дворянской родословной книги Тверской губернии⁴⁰, упомянута в одном из писем в 1797 г. в качестве «новопринятой кофейной»⁴¹ (т. е. ученицы самого младшего класса, носившего одежду коричневого цвета⁴²) «Воспитательного Общества благородных девиц». Вероятно, особую роль при помещении ее в это Общество сыграло то обстоятельство, что отец её был кавалером ордена, хотя указ о льготном содержании дочерей кавалеров, как выше

³⁸ ГАТО. Ф. 695. Оп. 1. Д. 82. Л. 3.

³⁹ Там же. Л. 3–3 об.

⁴⁰ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 27. Л. 1 об. – 2 об.

⁴¹ Там же. Д. 45. Л. 8–8 об.

⁴² ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

отмечалось, был подписан позднее, а вся их семья находилась в бедственном материальном положении.

13 июля 1787 г. Л.М. Манзей, имевший в то время чин коллежского советника, т. е. 6-го класса Табели о рангах, и занимавший должность советника Вышневолоцкой конторы водяных коммуникаций, был пожалован императрицей Екатериной II «во уважении на усердную службу... радение в должности и сохранение места вверенного... в порядке» орденом святого равноапостольного князя Владимира 4-й степени⁴³. 15 июля 1787 г. ему были отправлены «знаки сего ордена для возложения на себя»⁴⁴, а 31 августа 1787 г. – «экземпляр Орденского Статута»⁴⁵.

В декабре 1792 г. Логгин Михайлович, намереваясь выйти в отставку по состоянию здоровья, обращался к своему непосредственному начальству с просьбой ходатайствовать о выделении ему материального пособия для исправления «тесного положения домашних дел»⁴⁶. Возникновение финансовых трудностей он объяснял многими причинами: «малым» жалованием на гражданской службе, на которую вынужден был перейти из-за полученных на военной службе ран, необходимостью содержать большую семью, насчитывавшую девятерых детей, задолженностью, залогом крепостных из имения жены Прасковьи Ильиничны Манзей, урождённой Языковой (1761–1818), для погашения долгов и, наконец, сделанным в Государственном банке займом, на уплату процентов по которому шли доходы от имения, принадлежавшего его жене и детям, по причине отсутствия у него самого недвижимой собственности⁴⁷. Картина, убедительно нарисованная Л.М. Манзеем, позволяет составить ясное представление об уровне материального благосостояния его семьи. При этом пять дочерей нуждались в получении образования, достойного дворянских девушек того времени. Материалы семейного архива позволяют удостовериться, что «старшие дочери, Вера и Мария, учились с прилежанием в Смольном институте»⁴⁸.

Другой пример касается вышеупомянутой Л.И. Суворовой. В январе 1805 г. её деду по отцовской линии, поручику Евграфу Васильевичу Суворову, была выдана заверенная тверским губернским предводителем дворянства и уездными дворянскими депутатами грамота, свидетельствующая о том, что его род был внесён в VI часть дворянской родословной книги Тверской губернии⁴⁹. Отец девочки, поручик, а позднее

⁴³ ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 1.

⁴⁶ Там же. Д. 41. Л. 1 об.

⁴⁷ Там же. Л. 1–1 об.

⁴⁸ Гурьянова В.В. Логин Михайлович Манзей – директор вышневолоцкой конторы водных коммуникаций, помещик Вышневолоцкого уезда Тверской губернии // Дни славянской письменности и культуры: сб. докл. и сообщений. Тверь, 1998. Вып. 4. С. 65.

⁴⁹ ГАТО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

штабс-ротмистр Иван Евграфович Суворов, 2 ноября 1812 г., служа в то время прапорщиком Воронежского пехотного полка, был награждён «за отличие» орденом святой Анны 4-й степени⁵⁰. Кроме того, послужной список её отца был отмечен участием в нескольких боевых операциях русской армии и тяжёлым ранением в ногу⁵¹. Все эти обстоятельства – и древнее дворянское происхождение, и служебные заслуги отца – должны были способствовать тому, что Л.И. Суворову зачислили во второе отделение «Училища Ордена Святыя Екатерины»⁵².

В первой половине XIX в. роль этого училища в распространении институтского образования среди провинциальных дворянских девушек была особенно велика. Губернским и уездным предводителям дворянства направлялись специальные запросы о дворянах, желавших отдать своих дочерей или воспитанниц на обучение в «Училище Ордена Святыя Екатерины», и тексты условий конкурсного отбора, а также вменялось в обязанность довести содержание этих документов до сведения провинциального дворянского общества. Они же, в свою очередь, возлагали задачу непосредственного оповещения дворян и получения соответствующих расписок на земские суды⁵³.

Судя по нормативным документам, девочкам-сиротам, «оставшимся после кавалеров убитых в сражении или умерших от полученных ран»⁵⁴, при отборе претенденток отдавалось безусловное предпочтение. Данную меру следует рассматривать как одно из важнейших проявлений государственной политики в области институтского образования, которое, как и домашнее, отличалось неразрывной связью с воспитанием. Причём если при создании Смольного института провозглашалась смена парадигмы воспитания, провозглашенная формулой И.И. Бецкого о необходимости создания «новой породы или новых отцов и матерей»⁵⁵, то со временем всё больше утверждался идеал милосердия в воспитательном процессе, которым охватывались в первую очередь сироты, лишённые «естественного» источника воспитания в лице одного или обоих родителей.

Конкурсный отбор в закрытые учебные заведения производился по результатам медицинского освидетельствования⁵⁶. При поступлении в Екатерининский институт девушка наряду с такими документами, как заявление от родителей или родственников, свидетельства о рождении и крещении, «о Дворянстве с означением, в какую именно часть родословной книги занесен род отца» или «о чине» отца, «об учении» и «о недостаточном состоянии», должна была представить заключение лекаря о том, что она была полностью здорова и что её физическое самочувствие удовлетворяло

⁵⁰ ГАТО. Ф. 1041. Оп. 1. Д. 56. Л. 14, 16.

⁵¹ Там же. Л. 16–16 об.

⁵² Там же. Д. 3. Л. 1.

⁵³ Там же. Ф. 695. Оп. 1. Д. 82. Л. 1, 2; Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3 об., 8, 9.

⁵⁴ Там же. Д. 82. Л. 2.

⁵⁵ ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12103. С. 669.

⁵⁶ Там же. № 12154. С. 743; ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6.

требованиям, предъявлявшимся в этой связи к будущим воспитанницам⁵⁷. Устав «Воспитательного Общества благородных девиц» и правила приема в Екатерининский институт включали в себя перечень заболеваний, наличие которых у дворянки лишало её возможности обучаться в этих образовательных учреждениях. К числу таких заболеваний относились, в частности, разнообразные нарушения зрения (слепота, «бельма наглазные и вообще все глазные болезни»), слуха (глухота), правильного телосложения (увечье, горбатость, «кривобокость»), «все золотушные болезни», предрасположенность к туберкулезу и другим болезням, опасным с точки зрения возникновения эпидемии⁵⁸. В первой половине XIX в. «золотуху» определяли как «прирожденную болезнь худосочия, в которой особенно болеют железы»⁵⁹. По определению конца XX в., понятие «золотуха» – то, что «частично соответствует современному представлению о туберкулезе кожи и лимфатических узлов у детей с экссудативным диатезом»⁶⁰.

При зачислении дворянских девушек в институты в отношении каждой из них выяснялось, была ли ей к этому времени привита оспа⁶¹. Особую роль в профилактике данного заболевания играла именно вакцинация, фактическое начало которой в России было положено личным примером императрицы Екатерины II, пожелавшей подвергнуть прививке себя и своего сына, будущего императора Павла I⁶², и массовое распространение которой затронуло детскую возрастную группу.

Согласно правилам приёма в «Училище Ордена Св. Екатерины» к участию в конкурсном отборе допускались только по одной из нескольких сестёр, одновременно претендовавших на поступление, и совсем не допускались девушки, сёстры которых уже воспитывались в этом заведении на казённый счёт⁶³. Введение такого ограничения становится понятным, ведь дворянские семьи в конце XVIII – середине XIX в. в большинстве своём были многодетными и многодевичьими, и заботы по воспитанию сразу нескольких дочерей не могли быть возложены полностью на государство.

Тем не менее получение институтского образования часто превращалось в своего рода семейную традицию, когда представительницы нескольких поколений ближайших родственников в разное время помещались в то или иное закрытое учебное заведение. Как говорилось выше, А.В. Кафтырева в 1803–1812 гг. воспитывалась в Смольном институте, где позднее, в 20–30-е гг., обучались Анна Алексеевна,

⁵⁷ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 4–5об.

⁵⁸ Там же. Л. 6 об.; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

⁵⁹ Даль В.И. Указ. соч. М., 1981. Т. 1. С. 692.

⁶⁰ Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (пред.). М., 1981. С. 472.

⁶¹ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 4; ПСЗ. 1. Т. XVI. № 12154. С. 743.

⁶² Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1885 г.: в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 650; Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века / под ред. Б.А. Рыбакова. М., 1988. Ч. 3. С. 71.

⁶³ ГАТО. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6–6 об.

урождённая Редзикова, её родная племянница, и Софья Петровна, урождённая Капцевичева, девушка, в воспитании которой она принимала непосредственное участие, а другая её племянница, Александра Алексеевна, урождённая Редзикова, была отдана в «Московский Институт»⁶⁴. В роду дворян Манзеев, кроме В.Л. и М.Л. Манзей, получивших образование в Смольном в последней четверти XVIII – начале XIX вв., в 30–40-е гг. XIX в. в институты были определены их родные племянницы – Елена Николаевна, урождённая Манзей, и Юлия Ивановна, урождённая Мельницкая⁶⁵.

Наконец, при приёме в женские образовательные учреждения от абитуриенток требовалась предварительная интеллектуальная подготовка. В конкурсном отборе в Екатерининский институт могли участвовать только дворянские девушки, знавшие наизусть общеупотребительные повседневные молитвы и десять заповедей, умевшие читать и писать на русском, французском или немецком языках, а также имевшие навыки счета⁶⁶.

В письме к знаменитому генералу и видному государственному деятелю, герою войны 1812 г. (портрет которого находится в Военной галерее Зимнего дворца), первому генерал-губернатору Западной Сибири Петру Михайловичу Капцевичу (1772–1840) от 15 февраля 1829 г.⁶⁷ А.В. Кафтырева подробно описывала домашние занятия его дочери Софьи, готовившейся под её наблюдением к поступлению в «Воспитательное Общество благородных девиц». Этот уникальный в своём роде документ даёт представление не только об объёме знаний, необходимых дворянской девушке для того, чтобы быть принятой в государственное учебное заведение, но и вообще о содержательной специфике женского образования в первой половине XIX в. К числу предметов, подлежавших освоению Софьей Капцевичевой, относились Закон Божий, история, география, словесность и музыка: «На прошедшей неделе она кончила Катехизис, и Отец Петр начал с нею повторение онаго, после чего намерен заняться истолкованием ей Литургии. История на некоторое время оставлена, чтобы более заняться Географиею, которая идет довольно хорошо. В словесности, Сонюшка, начинает порядочно излагать мысли свои, которые прежде сего, она никак не могла привести в должный порядок; она сочиняет письма на разные предметы, и из оных, некоторыми Осип Якимович был доволен. Музыка также идет порядочно: экзерсисы повторяются каждый день по очереди один за другим; сверх сего мы играем с Сонюшкою Тирольскую с вариациями à quatre mains (в четыре руки, пер. с фр. мой. – А.В.), которой музыка весьма хороша...»⁶⁸. Как видно из письма, особое внимание уделялось религиозному образованию, направленному на изучение основ христианского вероучения, содержания и смысла православного богослужения. Также в образовательной программе дворянской девушки

⁶⁴ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 37, 82 об., 94–98 об.

⁶⁵ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 15–16 об., 34 об.

⁶⁶ Там же. Ф. 704. Оп. 1. Д. 33. Л. 6 об.

⁶⁷ Там же. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 80–81 об.

⁶⁸ Там же. Л. 81.

определённое место занимали дисциплины гуманитарного и естественного профиля, наряду с занятиями, развивавшими её творческие способности и таланты на литературном и музыкальном поприщах. Судя по письму А.В. Кафтыревой, употребление понятия «образование», подразумевавшего приобретение известной совокупности знаний, в отношении юной дворянки было привычным явлением («... одними только желаниями и возможными стараниями и попечениями, способствуя образованию Сонюшки, могу я несколько изъяснить вам живейшую мою признательность»⁶⁹). Очевидно, в первой половине XIX в. женское образование уже воспринималось общественным сознанием как вполне самоценное.

Наряду с приглашением учителей для домашних занятий существовали и другие способы подготовки дворянских девушек, в том числе и провинциальных, к поступлению в институты. По словам М.Л. Манзей, её сестра Любовь Логгиновна Мельницкая, урождённая Манзей, намеревалась отдать свою дочь Юлию сроком на один год учиться к некой «мадам Львов», под именем которой имелось в виду заведение либо представлявшее собой пансион, либо напоминавшее его. Причём, по мнению Марии Логгиновны, такая форма обучения была предпочтительнее найма случайной гувернантки с точки зрения как оплаты, так и качества образования: «Она (Любовь Логгиновна. – А.Б.) едет более для Юлиньки, нежели для Миши, хочет отдать ее к М^{ме} Львов на год до Института, и мне кажется, что это будет лучше, чем брать неизвестную гувернантку, которая будет стоить гораздо дороже и ничего не выучит...»⁷⁰. Для придания большей убедительности своему суждению Мария Логгиновна ссылалась на опыт другой племянницы, некогда получившей такую же образовательную подготовку, – Анны Степановны Рыкачевой⁷¹, дочери Надежды Логгиновны Рыкачевой, урождённой Манзей: «... а вы помните, как Аннушка Рыкач:<ева> была у ней («М^{ме} Львов». – А.Б.) хороша...»⁷². 19 июня 1836 г. М.Л. Манзей сообщала сестре В.Л. Манзей о том, что их племянница Юлия Ивановна Мельницкая находилась уже на попечении известной им обеим «мадам Львов»: «Любовь Лог:<гиновна> пишет, что Юлиньку уже отдала к М:<адам> Львов, которая на лето уехала с ней в Парсолово»⁷³. Образование провинциальной дворянки могло быть, что называется, «комбинированным», если принимать во внимание не только ее обучение в институте, но и домашнюю или «пансионскую» подготовку к нему.

Из некоторого условного числа дворянских девушек наибольший шанс быть помещённой в закрытое учебное заведение имела та, которая находилась в возрасте шести–семи («Воспитательное Общество благородных де-

⁶⁹ ГАТО. Ф. 1233. Оп. 1. Д. 2. Л. 80 об.

⁷⁰ Там же. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 34 об. – 35.

⁷¹ Чернявский М.П. Генеалогия господ дворян, внесенных в родословную книгу Тверской губернии с 1787 по 1869 год, с алфавитным указателем и приложениями. Тверь, 1871. Л. 165 об.

⁷² ГАТО. Ф. 1016. Оп. 1. Д. 45. Л. 35.

⁷³ Там же. Л. 38.

виц») или десяти–двенадцати («Училище Ордена Святыя Екатерины») лет, происходила из древнего дворянского рода, обладала сравнительно крепким здоровьем и достаточной интеллектуальной подготовкой, родители которой относились к категории мелкопоместных дворян, а сестры не претендовали одновременно с ней на получение институтского образования за государственный счёт. При этом провинциальные дворянки сравнительно легко могли соответствовать критериям отбора абитуриенток. Часто дворянские девушки из провинции имели родовитых, но небогатых родителей, отличались в лучшую сторону состоянием своего здоровья в силу жизни «на природе», обладали необходимыми начальными познаниями в области вероучения, чтения, письма, арифметики и иностранных языков.

Тем не менее в конце XVIII – середине XIX в. институтское образование не пользовалось «ажитажным спросом» среди провинциальных дворян. Об этом свидетельствуют, в частности, документы земских судов, связанные с многократным оповещением уездных дворян о предоставлявшейся им государством возможности отправить дочерей учиться в Санкт-Петербургский «институт ордена Святыя Екатерины». Определение дворянских девочек в закрытые образовательные заведения было, скорее, вынужденной мерой, обусловленной финансовой, физической или моральной неспособностью родителей дать дочери домашнее образование.

Таким образом, специфика целевой аудитории обучающихся на примере зачисления дворянок из Тверской губернии в столичные образовательные учреждения определялась следующими требованиями к матрикуляции: возрастной ценз не старше шести–семи лет для Смольного и десяти–двенадцати для Екатерининского института в Санкт-Петербурге; древность дворянского происхождения; кавалерство отца как особое преимущество; финансовый дефицит родителей; удовлетворительное состояние здоровья в сочетании с прививкой против оспы; отсутствие сестер, обучающихся в этом же институте за государственный счет; первоначальные знания вероучения, чтения, письма, арифметики и иностранных языков. Государственная стратегия женского институтского образования, несмотря на имевшее место на первых порах организации «Воспитательного Общества благородных девиц» стремление к копированию западноевропейского образовательного стандарта, со временем была адаптирована к региональным потребностям сохранения российского родовитого дворянства как особой социальной общности. Возможность обучения провинциальных дворянок в столичных институтах была обусловлена заинтересованностью государства в обеспечении «полноценного» образования представительницам малоимущего родовитого дворянства, особенно сиротам, которые не могли рассчитывать на заботу о них родителей. Государственные затраты в этой связи оправдывались тем, что дворянки, «проходившие» через институты и возвращавшиеся потом в «родовые гнезда», не только являлись хранительницами собственно дворянского культурного этоса, но и вносили весомый вклад в созидание в целом культуры российской провинции.

Список литературы:

1. Белоусов А.Ф. Институтка // Школьный быт и фольклор: учеб. мат-л по русскому фольклору: в 2 ч. / сост. А.Ф. Белоусов; отв. ред. С.Н. Митюрев. Таллинн: Таллиннский педагогический институт им. Э. Вильде, 1992. Ч. 2: Девичья культура. С. 119–159.
2. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй: в 2 т.: репринт. воспр. изд. 1885 г. М.: Современник, Товарищество Русских Художников, 1991. Т. 1. 431 с.: ил.; Т. 2. – 499 с.: ил.
3. Гурьянова В.В. Логин Михайлович Манзей – директор вышневолоцкой конторы водных коммуникаций, помещик Вышневолоцкого уезда Тверской губернии // Дни славянской письменности и культуры: Сб. докл. и сообщений. Тверь: ТвГУ, 1998. Вып. 4. С. 57–67.
4. Демков М.И. Очерки по истории русской педагогики. М., 1909. – 152 с.
5. Дружинин Н.М. Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826–1852 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней / отв. ред. А.В.Фадеев: в 12 т. М., 1967. Серия первая. Т. IV. Гл. 7 (кроме § 6). С. 256–300, 306–314.
6. Ковригина В.А., Сысоева Е.К., Шанский Д.Н. Медицина и здравоохранение // Очерки русской культуры XVIII века: в 4 т. / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: МГУ, 1988. Ч. 3: Наука. Общественная мысль. 400 с.: ил. С. 50–84.
7. Озерская Ф.С. Женское образование // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР: XVIII – первая половина XIX в. / отв. ред. М.Ф. Шабаева. М.: «Педагогика», 1973. Раздел 3. Гл. XIV. С. 255–269.

Об авторе:

БЕЛОВА Анна Валерьевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трёхсвятская, 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

Requirements for Matriculation in Women's Institutes in Russia in the Late 18th – Mid 19th Centuries (On the Example for the Enrollment of Noble Women from the Tverskaya Province into the Capital's Education Institutions)

A.V. Belova

Tver State University, Tver, Russia

The article is devoted to the requirements for matriculation in women's institutes in Russia in the late 18th – mid-19th centuries. Based on the study of regulatory prescriptions and real stories of enrollment of noblewomen from the Tver province in the capital's educational institutions, are analyzed the qualitative aspects of the state strategy regarding the educational profile of representatives of the privileged class, are revealed the specifics of the target audience of students, a significant

proportion of whom were girls from the provinces. It is concluded that the requirements for matriculation characterized women's institute education in Russia as a kind of social care for poor noblewomen, a contribution to the preservation of the community of the noble nobility as a special category and the reproduction of its cultural ethos.

Keywords: *women's education, women's institutions, women's everyday life, women's family memory, women's history, noblewomen.*

About author:

BELOVA Anna Valeryevna – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General History, Tver State University (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31), e-mail: Belova.AV@tversu.ru

References

- Belousov A.F., *Institutka, Shkol'nyj byt i fol'klor: ucheb. mat-l po russkomu fol'kloru: v 2 ch.* / sost. A.F. Belousov; otv. red. S.N. Mityurev, Tallinn, Tallinnskij pedagogicheskij institut im. E. Vil'de, 1992. CH. 2: Devich'ya kul'tura. S. 119–159.
- Brikner A.G., *Istoriya Ekateriny Vtoroj: v 2 t.: reprint. vospr. izd. 1885 g., M., Sovremennik, Tovarithchestvo Russkih Hudozhnikov, 1991. T. 1. – 431 s.: il.; T. 2. – 499 s.: il.*
- Gur'yanova V.V., *Login Mihajlovich Manzej – direktor vyshnevolockoj kontory vodnyh kommunikacij, pomeshchik Vyshnevolockogo uezda Tverskoj gubernii, Dni slavyanskoy pis'mennosti i kul'tury: Sb. dokl. i soobshchenij, Tver', TvGU, 1998, Vyp. 4, S. 57–67.*
- Demkov M.I., *Ocherki po istorii russkoj pedagogiki, M., 1909, – 152 s.*
- Druzhinin N.M., *Massovoe antikepostnicheskoe dvizhenie i vnutrennyaya politika carizma v 1826–1852 gg., Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei / otv. red. A.V.Fadeev: v 12 t., M., 1967. Seriya pervaya. T. IV. Gl. 7 (krome § 6). S. 256–300, 306–314.*
- Kovrigina V.A., Sysoeva E.K., Shanskij D.N., *Medicina i zdravoohranenie, Ocherki russkoj kul'tury XVIII veka: v 4 t. / pod red. B.A. Rybakova, M., MGU, 1988, Ch. 3: Nauka. Obshchestvennaya mysl'. 400 s.: il. S. 50–84.*
- Ozerskaya F.S., *Zhenskoe obrazovanie, Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoy mysli narodov SSSR: XVIII – pervaya polovina XIX v. / otv. red. M.F. Shabaeva, M., «Pedagogika», 1973. Razdel 3. Gl. XIV. S. 255–269.*

Статья поступила в редакцию 15.09.2025 г.

Подписана в печать 28.11.2025 г.